

Руслан Гавальда

**Пелевин, или
Тайна, которую
нельзя раскрывать**

Руслан Гавальда

**Пелевин, или Тайна,
которую нельзя раскрывать**

«Издательские решения»

Гавальда Р.

Пелевин, или Тайна, которую нельзя раскрывать / Р. Гавальда —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-935727-4

Повесть-эссе из лонг-листа премии «Дебют» в номинации «эссеистика» —
«Пелевин, или Тайна, которую нельзя раскрывать», наконец, опубликована!

ISBN 978-5-44-935727-4

© Гавальда Р.
© Издательские решения

Содержание

1	6
2	8
3	10
4	11
5	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Пелевин, или Тайна, которую нельзя раскрывать

Руслан Гавальда

© Руслан Гавальда, 2018

ISBN 978-5-4493-5727-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

С Виктором Олеговичем мы познакомились довольно просто, хотя, должен сказать, и не сразу. Нас много раз сводила вместе судьба, но мы как-то не замечали друг друга. Точнее даже, я не хотел, чтобы это случилось. На первых порах я не верил в то, что такое возможно. Я не верил в себя, не верил в свое будущее как писателя и не верил в то, что такой человек как Виктор Олегович (наверное, раньше все-таки я думал об его почтенном возрасте, чем о мудрости, я вкладывал в это понятие хороший жизненный опыт) может в действительности заинтересоваться мною. Иногда, бывало, я даже подумывал, что это сарказм такой. Его сарказм прожженного волка над маленьким начинающим щенком.

Но, что бы я о нем не накручивал, он мною заинтересовался. И заинтересовался совсем в его духе, так же не появившись и заставив меня гадать над его фигурой, как заставляет гадать вот уже в течение нескольких десятков лет все заинтересованное в его литературе сообщество: это он, или это сплошное надувательство?

Он объявился в сети Интернет на одном из многочисленных форумов практиков и теоретиков постмодернизма. Как он мне позже при личной встрече признался, ничто человеческое ему не чуждо, в том числе и слава, к которой он когда-то стремился. Я тоже недавно заходил на этот форум, и убедился, как только слухи о его нечастом появлении именно по этому электронному адресу появились, там тут же стали скапливаться фанаты его творчества. На этом форуме мы выкладывали свои тексты. И нельзя было их выкладывать ни на каком другом, там бы они были «бредом сивой кобылы». Поэты-верлибристы там были полной бездарностью, и ошибись начинающий властитель душ, творящий в жанре постмодернизма, началом своего пути, выложи робкое, шаткое первое произведение именно там, его бы съели плоские новые реалисты, что для нас – люди с глубоко устаревшими взглядами, песчаные люди, застрявшие посреди XVIII – XIX веков и не способные думать и фантазировать дальше сентенций этого времени, глубже и по-другому. Писатели, догнивающие, глубоко сцепившись со своим поколением, прошлым, приземленные давно устаревшими идеалами. В общем, начни свой путь там, он бы тут же его и закончил.

Сейчас наше пристанище постмодернизма превратилось в огромный зал ожидания появления Пелевина. Тысячи ников днями и ночами караулят бедного писателя, о котором никто точно ничего не знает, on-line, о котором есть только небольшие зацепки. Каждый сидит там, сидит даже прямо сейчас и друг друга подозревает в том, что он – Пелевин, ибо каждый из них использует завернутый под него ник. А тысячи пелевиных, тысячи больных людей, наслаждающихся в виртуальной (для нас, для них – реальной) жизнью Пелевина, забывших о себе, опелевиневшиеся совсем люди – для них настали плохие времена, они терпят поражение, разочаровываются, получают душевные травмы и страдают. Их авторитет прерван. Они – не Пелевины, они – лжецы! Настоящий появится именно на таком-то форуме, может, он и уже там. А если нет, он занят выходом новой книги, ибо сейчас декабрь! И это благородное занятие! С вами можно вступить в контакт в любое время дня и ночи, вы ласкаете свое самолюбие. Он же – настоящий! Настоящего можно только ожидать!

Пелевин появился в нужное, спасительное для меня время. Я тогда бросил преподавать, моя девушка бросила меня, я вновь разругался с родителями и безработный, голодный, одинокий и злой на весь мир жил в какой-то съемной квартире за оплату счетов. Я, начитавшись опусов Стивена Кинга, твердо решив сделаться великим писателем-постмодернистом (меня всегда отчего-то относили к ним), сидел уже с красными глазами второй или третий день, попивая водку прямо из горла, и ждал, ждал положительного отклика на мою последнюю работу. Не было ни того, чего я ждал, не было даже чего-нибудь отрицательного. Для меня же, впрочем, главным была реакция, а какая – не важно. Я просто хотел быть замеченным.

Когда уже водка закончилась, когда я встал, походил по комнате, узнал, что мне пора платить за Интернет или же завтра его отключат, получив по шее, в общем, со всех сторон, я сел, погрузившись снова в проваливающееся кресло перед монитором, я заметил, что меня, наконец, заметили. Мне в личный ящик пришло сообщение. Я открыл. В письме мною восхищались, и это восхищение, как в письме было указано, исходило от Пелевина. Ну, конечно же, я этому тут же поверил! Естественно, я все принял за издевку форумчан. Они насмехались надо мной! Я решил наутро завязать с литературой, выключил компьютер, плюнув в экран, и лег спать.

2

18 декабря 2007 года произошла моя первая встреча с Пелевиным. Я это потом все про считал. Посмотрев дату публикации, высчитав день из них, когда я сидел перед компьютером в полном одиночестве в один из тех многих дней, когда я подумывал, что он все – исчез.

В дальнейшем он тоже ставил под сомнение свою личность. Он не появлялся через программу Skype, чтобы хоть раз убедить меня в том, что он – это он, откалывал какие-то пелевинские штуки, то был on-line всегда, то надолго, не говоря ни слова, будто я его чем-то обидел, исчезал. Пелевничал, в общем.

Виктор Олегович, как и я, с детства любил быть в центре внимания, поэтому, твердо закрепив в себе навсегда каким-либо образом показываться на людях, ему приходилось выходить в Интернет, и там утешать свое самолюбие. Он жил только виртуально, в этой виртуальности было достаточно слухов, позволявших ласкать своё «я».

Я к Интернету привык тоже. С утра включить компьютер и проверить, как там мои произведения, написал мне кто-нибудь в соцсети или оставил ли для меня какое-нибудь сообщение хоть на одном из трех моих ящиков (я три раза менял псевдоним, которым хотел пользоваться, пока не оставил, наконец, своё настоящее имя, и для каждого из них заимел свой собственный ящик) было важнее, чем сходить в туалет, даже если очень туда хотелось. Нет, дорогие мои, сначала включить компьютер! Я тогда был очень Интернет зависимым человеком, впрочем, как и все подростки. Мой теперешний алкоголизм сейчас только может с ним справиться.

Так вот, встав рано утром и включив нетбук, уже будучи совсем уверенным в том, что удача мне не улыбнется, и литературу надо бросать. Идти искать хоть какую-то работу, и может тогда Ирка ко мне вернется, и моя жизнь наладится, я получил первый отворот, что совершенно забыл заплатить за Интернет, и он у меня уже отключен. Пришлось ставить кофе, и пока, находясь в его ожидании, даже приготовить себе яичницу на завтрак (хотя вставал я, будучи вольным художником тогда около обеда, если далеко не после него).

Потом я пошел платить. Выкинуть сразу все свои рукописи я не решился. Они были мне как дети. И потом, чем бы я заполнил пустоту, свое свободное время, если не написанием книг? Это было моей надеждой применить себя в этом мире. Больше я не был ни на что годен. Мой преподавательский диплом можно было вышвырнуть, ибо время, пока меня перестало тошнить от института и той профессии, которую я в нем когда-то с жаром получал, оказалось более, к сожалению, чем достаточно, чтобы мой диплом «сторел», пока я соберусь с мыслями и решусь его применить. Делать смыслом жизни девушку, хотя бы Иру, у меня желания не было. Как, впрочем, и у них связывать свою жизнь с человеком вроде меня. Ибо что я делал? Только надеялся и ждал чуда. Уж тут-то меня опубликуют! Уж здесь-то меня примут на работу! А между тем уже подходило время, что мне, как девчонке, захотелось иметь семью, как не прискорбно это для мужчины звучит. Я стал считать себя не симпатичным и никому не нужным. Пропашим. А впрочем, не таким ли я разве был?

Но я снова и снова лез в литературу, мнил себя не признанным гением. Мне всегда казалось, что я почти поймал моего синюю птицу-издателя, если бы еще чуть-чуть, если бы там ни какая-нибудь плевая ошибка, которую в следующий раз, будь уверен, я обязательно исправлю! Ведь никакой синицы-то в руках отродясь у меня не бывало, чтобы все бросить, забыть и остаться с ней.

Но вот и на этот раз, как бы то опять ни было, вернувшись домой и открыв почту, я понял, что снова задержусь в своих мечтаниях еще немного. Еще есть смысл сидеть с голой задницей и грезить о собственной книжке. История с иллюзией прекрасного будущего повторилась. Мне на ящик пришло письмо. Было указано, что оно от Пелевина, того самого, что восхищался мною на форуме вчера. Сказано даже, что, возможно, это письмо не последнее, и мне лишь

нужно выслать парочку своих произведений ему на почту. Конечно, если они у меня в электронном варианте есть, указывалось там. Нет никакой необходимости их туда перепечатывать с черновиков или наскоро дописывать своё лучшее произведение, ибо она таким ни в коем случае потом (из-за спешки) не окажется. Автор меня заранее благодарил и, когда я выполнил его просьбу, тут же прислал «Спасибо», что сложилось ощущение, будто он сидел там после отправки мне письма и до утра ждал моего ответа с моей прозой. Хм, чертов поклонник! Но это приятно.

3

Сначала я не задумывался о том, зачем ему это было нужно. Слишком сладко было то, что на мою прозу хоть кто-то, наконец, обратил внимание. Я сразу почувствовал себя чем-то вроде полубога, почувствовал себя нужным этому миру и долго не возвращался на землю. Все по-детски радовался. Тогда мне представлялось, что все сказки про золушек, все рассказы толстомордых звезд с телеэкрана об их долгом и трудном пути к славе – правда. Мне поверилось, что существуют чудеса, и что талантливого человека, если он действительно талантлив, обязательно рано или поздно заметят. Что действительно не все купишь, что справедливость есть. Что люди помогают друг другу. И это довелось мне подумать в стране, где палец о палец для друг друга никто ничего никогда не сделает! В стране, где самое большее, что могли предложить таланту, это сказать ему, что он таковым является. И что с этим не выживешь, не прокормишься, нужно идти работать. Кем? Так как образование твое никуда не годится: дворником, например? На Украине им сразу квартиры дают.

Ответ от Пелевина пришел через пару недель, но в себя я пришел только после того, как поделился своей радостью с матерью. Я встретил ее идущей домой с работы с двумя полными сумками продуктов (в магазин заходила), с совсем измученным и постаревшим лицом.

– М, – протянула она на мое сообщение, – А он не извращенец какой-нибудь?

– Нет, – растерялся я.

Ну и мысли же лезут моей матери в голову! Нет, она совершенно приземленный человек!

– Но если это так. Он не опубликует их где-нибудь под своим именем? – спросила она после.

В общем, от нее всюду шел негатив, что погрузился в него и я. После ее вопросов и нытья на жизнь, я потом долго сидел и думал о том, что, может быть, она права? Ведь я неудачник! Как я мог только представить себе такое, что мною заинтересуется кто-либо? Потенциальный издатель не торчал бы сейчас на форуме. Они, как я слышал, люди занятые. Правда, не ясно, чем они там занимаются и что в их работе такого сложного. Ведь все редакторы, которых мне приходилось знать до этого в различных газетах были сущими лентяями. Они целыми днями ничего особенного не делали. Да и работали всего лишь до трех часов, начиная с девяти, а прибавить к этому перерыв на обед. Ни один нормальный гражданин такую работу работой не назовет! Впрочем, попасть бы мне еще лишь хоть когда-нибудь в штат журналистики, а уж об их кресле я ничего не говорю. Может быть, там и есть что-то сверхсложное.

Но в любом случае, издатель не торчал бы на форуме, хотя поговаривают, что многие современные издатели так и делают. Но зачем? Им ежедневно присылают сотни рукописей! Они бездарны. Талантливые люди, настоящие бриллианты обычно скромны. Вот и отыскивают, видимо, думающие издатели свои будущие успехи среди форумного хлама.

В общем, не верил я в извращенца, но благодаря матери перестал верить и в издателя. В итоге, поломав голову над этим вопросом, я решил, что это просто добрый учитель физики, который заинтересовался моей прозой и просто захотел чего-нибудь почитать. Возможно, у него есть опыт публикаций, и он, если будет настолько любезен, поделится со мною электронными адресами этих добрых журналов, но не более. А плагиат? Но, Господи! Я не был уверен в достоинстве моих текстов и заключенных в них идей настолько, что кому-либо захотелось бы их украсть.

4

Спустя некоторое время я под остыл. Я решил твердо не верить в свою одаренность. Сколько надежд я уже питал?

С прошлым всегда трудно порывать. Вот в чем вся соль. Если ты скажешь, что рвешь с ним окончательно, то ты тем более будешь тянуться к нему, и совсем не от того, что оно запретное, и прошлое теперь для тебя такого – притягательно, все гораздо хуже. Тебе становится нечем заполнить ту пустоту, которая останется после выдворения наружу прошлого. Память всегда будет из возможных вариантов искать для тебя уже брошенное тобою занятие. Оно – привычка, а ты, ты – просто собака Павлова в этот период. Все на автомате. Нужно прожить, наверное, очень огромное время, чтобы стереть из своей памяти этот навык, это умение. Но некоторые навыки, например, навык езды на велосипеде, остаются с тобою всю жизнь. Нужны лишь подходящие условия, чтобы их возвратить.

Хотя, есть такое понятие как «исписался». Интересный феномен. Почему, действительно, так происходит? Почему существуют авторы одного романа? И почему многие великие писатели, писатели, которые были для нас иконами вдруг на какой-то стадии своего творчества начинают заниматься халтурой? Нет, правда. Отчего Брет сказал, что он написал всего три романа, а остальное – это не литература? Это просто, чтобы заработать денег? Может, это банальная потеря воображения? Или страх того, что ты его уже потерял? Что ты не выдумаешь ничего лучше того, что ты уже недавно выдумал?

Я помню, как в одной статье прочел про то, что Кинг брал себе псевдоним, чтобы убедиться, стоит ли его проза еще чего-нибудь, или он выдохся, и его публикуют из уважения к его прошлым успехам? Его мозг его не подвел. Америку всколыхнуло появление нового потрясающего автора. Продажи Ричарда Бахмана зашкаливали все показатели.

Но если страх и сомнения автора берут вверх над ним и он, даже и не теряя никогда воображения, перестает писать и со временем действительно его теряет? Теряет способность, желание творить?

Я перебрал ни одну сотню различных вариантов, отчего можно отойти от дел, но не учел одного, самого логичного, самого оправдывающего мастеров ответа, который, казалось бы, лежал на поверхности. Если хочешь спрятать хорошо, положи на видное место.

Как бы то ни было, мне пришлось завязать со всем этим сложным делом, которое кроме личного удовольствия и одних только бед больше ничего мне не доставляло. Вообще запутавшись в жизни, приняв такое решение, от всего устав и расстроившись я решил сходить к гадалке. Да, сходить к гадалке и поверить всему тому, что она скажет. Если она поведаст мне о том, что я стану очень известным человеком (пусть даже и не произносит, что в издательском деле), я обрадуюсь и вернусь к тому, что так люблю, вернусь к своей беспутной жизни, а если нет, то она поможет мне убедить себя полностью в том, что я бездарен, как и все мои пишущие современники, эти сочинители фантастических постоянно разрушающихся миров и непременно иронических женских детективов.

Я не успел дойти до гадалки. Да и разве кто-нибудь, кроме наивных блудливых девочек, по-настоящему влюбившихся в сотый раз и решивших приворожить своего любимого, который воспользовался их интимными услугами и сбежал, успевал? Я на своей пути таких людей не встречал.

5

Пелевин стеснялся того, что он много пишет, его одолевали сомнения в объективности взглядов преподавателей на его прозу. Все они, как один, его хвалили, все восхищались им. Люди, что много пишут, обычно Лапе да Веги, либо наивные бумагомараки, то есть обычные графоманы!

Пелевин начал экспериментировать. Ни с формой, ни с содержанием, ни с чем-либо еще, с чем экспериментируют авторы-новаторы. Он играл со своими педагогами, ставил опыты над ними. Чтобы посмотреть, как Лев Николаевич, от качества ли рассказа зависит его дальнейшая судьба или же от имени автора? Он нарочно писал хуже, затем еще хуже, но сокурсники и гости семинара не унимались. Они ослепли! Уже по инерции каждый высказывался о его произведениях положительно. Может быть, они даже не читают того, что он создает, а вскакивают и нагло льстят. Но преподаватель? Как же мастер? Ведь он то, он то читает! Неужели и он говорит по инерции с ними? Или, его задача заключается в том, чтобы никто из опекунов института не стал никаким литератором, это не нужно?

Может быть, задача профессоров этого института как раз можно дольше не выпускать в свет литераторов? Хотя бы до вручения соответствующего диплома? Ведь если тебя будут публиковать и соответственно читать, к чему тебе этот скучный институт?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.